

МИСТИЦИЗМЪ М. М. СПЕРАНСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вѣроятно всякому, кто сколько-нибудь вникалъ въ мистическія системы, бросалась въ глаза утомительная однообразность этихъ системъ. И многихъ, думается, поражалъ при этомъ странный фактъ—противорѣчіе между кажущейся фантастичностью концепціи и бѣдностью творческой фантазіи у ея создателя. Тамъ, гдѣ, повидимому, все основано на затѣйливой мечтѣ, гдѣ все зыблется, гдѣ все взмечтается вихрями туманныхъ словъ,—тамъ, однимъ словомъ, гдѣ царитъ произволъ случайныхъ ассоціацій и субъективность переутоначеннаго настроенія,—тамъ, именно, неожиданно обнаруживается какая-то вѣковѣчная устойчивость. И—странное дѣло—одни и тѣ же выраженія, одни и тѣ же символы, кажущіеся сперва условными арабесками нездороваго духа, открываются даже разсѣянно-скользящимъ взглядомъ у мистиковъ, отдѣленныхъ тысячелѣтіями времени и многими тысячами километровъ разстоянія. Патангали оказывается въ сообществѣ съ m-me Gueyon, Валентинъ—съ Парацельзомъ, Бѣмомъ или Сенъ-Мартенемъ, Гафизъ со Св. Терезой и аеонскими гезихастами, Лао-Дзы съ Толстымъ, Оригенъ съ Соловьевымъ и Сперанскимъ и т. д. Покажется, ровно бы мистики великіе и малые, во фракахъ и ходящіе нагишомъ имѣютъ тѣсную сплоченность. Поэтому тутъ важно подчеркнуть, что это единое мистиковъ—только кажущееся: нѣтъ ни одной области духовной жизни, гдѣ бы развитіе шло самостоятельное и гдѣ болѣе давалось бы отпора всякимъ учительскимъ пополазованіямъ, чѣмъ это наблюдаемъ среди мистиковъ.

Указывая на однообразіе, я далеко не хочу сказать этимъ, будто мистическая литература бѣдна по содержанію или что мистика христіанская не имѣетъ своихъ особыхъ элементовъ, дѣлающихъ ее существенно-новой въ сравненіи съ мистикой другихъ религій. Нѣтъ, но тождественность нѣкоторыхъ не обходимыхъ ингрѣдиентовъ въ мистическихъ системахъ совершенно несомнѣнна.

Обозрѣніе системъ *извѣтъ* показываетъ фактъ сходства въ нѣкоторыхъ необходимыхъ элементахъ, не смотря на причудливую очертаній каждой изъ системъ въ отдѣльности. А съ другой стороны, для всякаго, сколько-нибудь изъ опыта знакомаго съ мистическими переживаніями, хотя бы среднихъ ступеней, дѣлается интуитивно-очевидною необходимость такого сходства, и тогда-то обнаруживается, что основные контуры мистическихъ концепцій—не „построенія“ или „умствованія“, а простыя *описанія* переживаемаго, простыя высказыванія данныхъ мистическаго или „умнаго“ опыта,—умозрѣніе, какъ непосредственное зрѣніе „умомъ“.

Для однажды увидѣвшаго эту необходимость никакихъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ не требуется; мало того, всякая доказательность только въ этой очевидности можетъ получать свою силу. На этой очевидности, какъ на основаніи, строится для мистика все міросозерцаніе. Но оно, въ виду сказаннаго, будетъ по существу своему эсотерично. Необходимо также экзотеризмъ, и потому для внѣшнихъ, для профановъ требуется перевернуть взаимно-зависимость частей и выводить то, что въ сознаніи внутреннихъ, посвященныхъ есть исходная точка.

Если основная задача всякаго эсотерическаго мистицизма—дедукція чувственнаго опыта изъ данныхъ „умнаго“ познанія Перво-Субстанціи, то задача всякаго экзотерическаго мистицизма—дедукція „умнаго“ познанія Перво-Субстанціи изъ данныхъ чувственнаго опыта, причемъ вторая дедукція, какъ опирающаяся на данныя условныя, сама всегда остается условной и можетъ говорить только о *возможности*, но никогда—о дѣйствительности дедуцируемаго.

Такимъ образомъ, появляется своего рода „апологетика“, столь же мало, впрочемъ, нужная мистикѣ въ его внутренней жизни, какъ обще-религіозная апологетика—твердо-вѣрующему: желаніе обосновать религіозную истину появляется тогда, когда въ ней усумнились.

„Апологетика“ мистическихъ системъ должна служить введеніемъ въ мистическій эсотеризмъ и создается на почвѣ гносеологии, психологии и физиологии. Въ этой замѣткѣ неумѣстно было бы, конечно, ссылаться ни на психологическія и гносеологическія, ни на анатомо-физиологическія изслѣдованія, силѣмъ заставляющія „внѣшняго“ обратить серьезное вниманіе на область мистики. Замѣтимъ только, что указанное нами выше однообразіе мистическихъ системъ за послѣдніе годы блестяще освѣщается такими работами. Мистическія явленія перестаютъ разсматриваться какъ „пряность“, какъ нѣкое *quantité négligeable*, отъ котораго можно отдѣлаться снисходительной улыбкой или отмахнуться пренебрежительнымъ жестомъ. Тысячи мистиковъ всѣхъ временъ съ удивительной силою застучались въ окна и двери дворца науки, и, если ихъ не пустятъ добромъ, то они войдутъ напоромъ, выламывая по дорогѣ многоцѣнные двери.

Вотъ почему теперь *необходимо* серьезно посчитаться съ мистической литературой,—литературой, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ушла такъ далеко, что только за послѣднее время наука стала подходить къ разбираемымъ тамъ вопросамъ. И одна изъ первѣйшихъ задачъ такого изученія должно быть, конечно, критическое изданіе всѣхъ мистиковъ, съ переводомъ,—*Corpus mysticorum omnium*,—т. к. большинство мистическихъ произведеній чрезвычайно рѣдки. Кромѣ того, необходимы спеціальныя словари ¹⁾, потому что писатели-мистики въ большинствѣ случаевъ пользуются очень своеобразной терминологіей.

Попутно необходима систематизація и монографическое изученіе отдѣльных писателей.

Въ числѣ нихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ знаменитый М. М. Сперанскій, впрочемъ мало-извѣстный со стороны своего религіозно мистическаго творчества, причиною чего служить неизданность его рукописныхъ замѣтокъ. Думая печатать критически-обслѣдованный текстъ этихъ руко-

¹⁾ Нѣкоторую попытку такого Словаря къ Апокалипсису представляетъ мало-извѣстная книга: „Apokalyptisches Wörterbuch, brauchbar als ein Schlüssel zur Eröffnung der geheimen Winke, die in der Offenbarung Jesu Christi enthalten sind. Von dem Verfasser der Blicke in die Offenbarung. 1834. Im Verlag von C. T. Spittler, in Basel“.

Подобный же словарь составленъ и къ Я. Бѣму.

писей, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, А. В. Ельчаниновъ предпосылаетъ имъ настоящее изслѣдованіе критико-генетическаго характера. Назначеніе статьи—не въ томъ, чтобы дать цѣльное представленіе о мистикѣ и мистицизмѣ Сперанскаго. Собственно-философскій интересъ, всегда заставляющій подрисовывать и отгѣнять изслѣдуемую систему, сведень тутъ до минимума, и читатель напрасно сталъ бы искать здѣсь готоваго міровоззрѣнія. Но за то предлагаемая статья будетъ полезнымъ пособіемъ для желающихъ самостоятельно изучить міровоззрѣніе Сперанскаго по его наброскамъ,—родомъ критическаго введенія къ его отрывочнымъ замѣткамъ по мистицизму.

П. Ф.

1905 г.

ЧАСТЬ I.

1.

Всякая работа нуждается въ своемъ *raison d'être*, въ своемъ оправданіи. Оправданіе это, въ приложеніи къ подлежащей работѣ, будетъ касаться двухъ пунктовъ: 1) достаточно ли важенъ самъ разбираемый вопросъ, и 2) есть ли необходимость въ новыхъ изслѣдованіяхъ по вопросу, уже разсматривавшемуся въ литературѣ ¹⁾).

¹⁾ Списокъ книгъ и пособій, прочтенныхъ и использованныхъ.

1 Матеріалы, касающіеся собственно вопроса о религіозномъ міровоззрѣніи С-го.

1. Рукописи С-го по богословск. и философск. вопросамъ, хранящіяся въ И. П. Библіотекѣ.

2. Письма, замѣтки и проч., опубликованныя въ „Москвитинѣ“, „Сынъ Отецъ“, „Русск. Арх.“ и „Р. Старинѣ“.

3. М. Корфъ. Жизнь гр. С-го. Т. I—II, СПб. 1861.

4. Его же. О воспоминаніяхъ Булгарина, касательно гр. С-го, „СПб. Вѣд.“ 1848 г. № 144.

5. Лонгиновъ. Гр. С-кій. „Русск. Вѣстн.“ 1859 г. т. 23.

6. Чистовичъ. Въ память С-го. „Хр. Чт.“ 1871, № 12.

7. Еп. Теофанъ. Письма о духовной жизни. Изд. I и II.

8. Катетовъ. С-ій, какъ религіозный мыслитель. „Пр. Соб.“ 1859 г. 5—12.

9. Portz. Leben des Ministers Freiherrn v. Stein⁴ III B. Berl. 1851.

10. Дубровинъ. Лабзинъ и Сіонскій Вѣстн. „Р. Ст.“ 1891—92 г.г.

11. О. Дмитріевъ. С-ій и его государт. дѣятельность. „Р. Арх.“ 1860 г.

12. С. П. Южановъ. М. М. С-ій. Изд. Павленкова 1892 г.

13. Чернышевскій. Русскій реформаторъ. „Совр.“—1861 г.

Что касается перваго вопроса, то отвѣтъ на него самъ собою ясенъ и не вызоветъ возраженій: все, что касается жизни

14. Романовичъ-Словатинскій. Госуд. дѣятельность С-го „О. З.“ 1873 г. № 4.
15. Воспоминаніе Булгарина „Библ. д. чт.“ 1849, июнь.
16. Пыпинъ. Очерки, всѣ три изданія (71, 84, 1900 г.).
17. Комопановъ. Жизнь и труды Кошелева. Спб. 1891 г.
18. Баснинъ. Воспомин. о С-мъ. „Ист. В.“ 1903 г. т. I.
19. Дополнит. матеріалы къ біогр. С-го, сообщ. А. Ае. Бычковымъ „Р. Ст.“ 1902—3 г.г.

20. Гауэншильдъ. С-ія сообщ. Вильбасовъ „Р. Ст.“ 1902, V.
21. Дубровинъ. Письма гл. дѣятелей въ царств. А. I-го (1807—29) Спб. 1883 г.

II. По исторіи умст. преимущественно мистич. теченій въ русскомъ обществѣ, кромѣ упомянутыхъ уже выше:

1. Галаховъ. Обзоръ мистич. лѣтоп. въ царствованіе А. I-го „Ж. М. Н. Пр.“ 1875, XI.
2. Его же. Ист. русской слов. древней и новой. 1880 г.
3. П. Знаменскій. Чтенія по исторіи русской церкви.
4. Вуличъ. Очерки по исторіи русск. лит. и просв. съ начала XIX в. 1901 г.
5. Лонгиновъ. Новиковъ и моск. мартинисты. М. 1867 г.
6. Сладкопѣвцевъ. Русск. мистики-иллюминаты. „Духов. Бесѣд.“ 1863 г. т. XIX.
7. Воспоминанія Вигеля, „Р. Вѣстн.“ 1864 г.
8. Записки о духовномъ союзѣ Татариновой „XIX в.“ т. I изд Барте-нова.

9. Записки Стурдзы. „Р. Ст.“ 1876 г. т. XV.
10. Изъ зап. книжки Боровиковскаго „XIX вѣк“, I.
11. Записи Витберга. „Р. Ст.“ 1872, V.
12. Записки Лохвицкаго. „Труды Кіев. д. Акад.“ 1863 г., 161.
13. Автобіографія Фотія. „Р. Ст.“ 1894—5 г.г.
14. „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806, 17, 18 г.г.
15. Безсоновъ. Лабзинъ. „Р. Арх.“ 1866 г. № 6.
16. Дмитріевъ. Воспоминанія о Лобазинѣ. *ibid*.
17. Аксаковъ, С. Встрѣча съ мартинистами. „Р. Бесѣда“ 1859, I.
18. Записки Лопухина, изд. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ“ 1860 г. II.
19. Березинъ-Ширяевъ. Перечень мистич. сочиненій. „Р. Библиограф.“ 1880 г. №№ 76; 1881 г., №№ 78, 90, 96.

III. Къ исторіи мистицизма въ Запад. Европѣ,

1. Art. Richter. Neuplatonische Studien. Halle 1864—7.
2. Владиславлевъ. Философія Плотина.
3. Heinrot. Geschichte und Kritik des Mysticismus. Лpz. 1830 г.
4. Д. Гинцбургъ. Кабалла, мист. фил. евреевъ „Вопр. ф. и псих.“, кн. 33.
5. Herpe. Geschichte der quietistischen Mystik in der Kath. Kirchen. B. 1876.
6. Lichtenberger. Histoire des idées religieuses en Allemagne depuis du XVIII siècle. 3 v. P. 1873.

нашего великаго государственнаго дѣятеля, имѣть большой интересъ; тѣмъ болѣе важна цѣлая крупная область его духовной жизни—его религіозно - философское міровоззрѣніе. На второй вопросъ наиболѣе удобно можно будетъ отвѣтить при разсмотрѣніи бібліографіи и исторіи вопроса.

2.

Источники.

Одинъ изъ первыхъ изслѣдователей біографіи С-го, Лонгиновъ, жалуется на малую доступность матеріаловъ по нужному ему вопросу ¹⁾. Въ настоящее время пожаловаться на это нельзя. Очень многое изъ воспоминаній о С-мъ и изъ его бумагъ опубликовано въ нашихъ историческихъ журналахъ, еще больше находится въ неизданомъ видѣ въ И. П. Библіотекѣ. Я разсмотрю сначала матеріалы первой категоріи, появившіеся въ печати, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ предметомъ разсмотрѣнія будетъ не все, что касается біографіи С-го вообще, а исключительно интересное для нашего вопроса. Хронологически на первое мѣсто надо поставить погодинскій журналъ „Москвитянинъ“. Въ 42-мъ году, въ № 6 этого журнала появилось письмо С-го къ Каразину, писанное послѣ смерти жены С-го. Мы отмѣчаемъ это письмо, т. к. оно даетъ много важныхъ чертъ для выясненія характера С-го и его настроенія передъ са-

7. Статьи въ „Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche“. IV. Сочиненія мистиковъ, имѣющія отношенія къ темъ.

1. Іоаннъ Арндтъ. Объ истинномъ христіанствѣ 2 тома. 1875 г.

2. Краткій и легчайшій способъ молиться. Твореніе госпожи Гюль-Снб. 1822.

3. Ея же. Изъясненіе на „Пѣснь пѣсней“. М. 1823 г.

4. Діонисій Ареопагитъ. О небесной іерархіи. Изд. III, 1848 г.

5. Добротолубіе. V т. Изд. 90-хъ годовъ.

6. Дю-Туа. Божественная философія и т. д. М. 1818—19. 6 т.

7. Эккартегаузенъ. Ключъ къ тайнамъ натуры. 1804 г.

8. „Христіанское Чтеніе“ 1821—30-хъ годовъ.

9. „Сіонскій Вѣстникъ“.

10. Іоаннъ Лѣстничникъ. М. 1892 г. Изд. Козельской пустыни.

11. С.-Мартенъ. О заблужденіяхъ и истинѣ. М. 1785 г.

12. Таулеръ. Благочестив. размышленія и т. д. Спб. 1823 г.

13. Les oeuvres de S-te Thérèse. Anvers, MDCCVII.

¹⁾ Р. В. 59 г. т. 23, 337.

мымъ началомъ XIX вѣка. Въ томъ же году, въ одинадцатой книжкѣ были напечатаны шесть писемъ С-го къ дочери, писанныя изъ Сибири въ 19-мъ году ¹⁾, причемъ этимъ письмамъ предшествовалъ краткій біографическій очеркъ, переведенный, какъ заявляетъ редакція, изъ „Allgemeine Zeitung“.

Очеркъ касается почти и исключительно прохожденія службы С-имъ и поэтому для насъ мало важенъ; къ тому же, въ немъ попадаются хронологическія и иныя неточности. Въ 43-мъ году ²⁾ въ томъ же журналѣ появилась „Дума на гробѣ графа С-го“, написанная Магницкимъ и присланная въ редакцію извѣстнымъ Стурдзой. Сама „Дума“ мало интересна для насъ; гораздо важнѣе письмо С-го къ Магницкому, приложенное къ этой „Думѣ“, письмо, въ которомъ яркими чертами рисуется религіозное настроеніе С-го въ періодъ его жизни въ Пензѣ, и выступающее *активный* характеръ его религіознаго міровоззрѣнія, чего почти не замѣтно по другимъ источникамъ. Въ 44-мъ году, въ „Сынѣ Отечества“, была напечатана тетрадь „Досуговъ“ С-го, веденная въ 1795 году, гдѣ попадаются указанія на нѣкоторыя идеи, главнымъ образомъ этическаго характера, которыя волновали С-го въ это время.

Упомянутые до сихъ поръ матеріалы давали очень мало для характеристики *религіознаго* настроенія С-го, и объ этой сторонѣ его жизни общество могло узнать болѣе полно изъ писемъ С-го къ его другу П. А. Словцову, напечатанныхъ въ № 10 „Москвитянина“ за 1844 г., и, особенно, изъ большого письма къ тому же лицу, помѣщеннаго въ томъ-же журналѣ ³⁾. Послѣ нѣкотораго перерыва появились напечатанными въ „Ярославскихъ Епарх. Вѣдом.“ за 1862 г. три рѣчи С-го, произнесенныя имъ, когда онъ былъ еще ученикомъ Главной семинаріи ⁴⁾. Въ 68-мъ году въ „Русскомъ Архивѣ“ была опубликована обширная переписка С-го съ дочерью. Письма относятся къ періоду 1816—21 годовъ. Они

¹⁾ Всѣ эти письма были напечатаны въ „Р. Арх.“ за 1868 г. вмѣстѣ со всеми другими письмами С-го къ дочери.

²⁾ № 4, стр. 480.

³⁾ 1845 г., № 3 стр. 41.—Впослѣдствіи было напечатано въ „Библиограф. замѣт.“ т. III, а затѣмъ въ 1872 г. въ сборникѣ И. П. Б.

⁴⁾ См. Корфъ, I, 28.

особенно интересны, т. к. при написаніи ихъ были соблюдены всѣ условія, при которыхъ только и могла проявиться глубокая искренность, задумчивость писавшаго ихъ. Большая часть этихъ писемъ писана въ Сибири, вдали отъ культурнаго общества; писаны они горячо-любимой дочери. Въ 1870 году въ томъ же журналѣ была помѣщена очень законченная коллекція писемъ С-го къ разнымъ лицамъ; тутъ письма къ Цейеру, духовному ученику С-го, занимаютъ по важности первое мѣсто изъ всего, что было напечатано на этотъ счетъ. Вопросы, трактуемые въ этой серіи писемъ, касаются единственно христіанской этики, ученія о молитвѣ, постѣ и чтеніи св. Писанія. Въ годъ столѣтія со дня рожденія С-го (1872 г.) И. П. Б. подарила читающему обществу очень цѣнный сборникъ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“, содержащій часть его обширной переписки, его сибирскій дневникъ и „Эпохи моей жизни“—хронологія важнѣйшихъ событій жизни С-го. Послѣ этого сборника въ печати не появлялось ничего особенно существеннаго, что значительно дополняло бы изданные уже прежде матеріалы. Въ „Русск. Ст.“ появлялись, главнымъ образомъ, краткіе афоризмы С-го, его размышленія юридическаго, философскаго и богословскаго характера, но все это въ небольшомъ количествѣ, очень отрывочно и случайно.

Въ 89-мъ году въ „Пр. Соб.“ ¹⁾ началась печататься диссертация проф. Казанской Духов. Академіи Катетова: „Гр. М. М. Сперанскій. какъ религіозный мыслитель“. Статья написана главнымъ образомъ на основаніи упомянутыхъ уже матеріаловъ ²⁾, но при этомъ г. Катетовъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, чтобы воспользоваться ненапечатанными въ то время матеріалами, хранившимися въ И. П. Библиотекѣ. Нѣкоторую часть этихъ матеріаловъ (надо признаться, очень незначительную) онъ напечаталъ въ видѣ приложенія къ своей работѣ. Ниже мы подробно остановимся на этихъ матеріалахъ, какъ и на всей статьѣ г. Катетова. Послѣ этихъ матеріаловъ ничего значительнаго на-

¹⁾ №№ 5—12.

²⁾ Къ разбору этой работы мы вернемся ниже. Пока замѣчу, что г. Катетовъ не воспользовался *всѣмъ* опубликованнымъ матеріаломъ, т. к. важное письмо, помѣщенное въ „Москв.“ за 1843 годъ осталось имъ неиспользованнымъ.

печатано не было, если не считать таковымъ докладъ С-го о духовоборахъ, помѣщенный въ „Р. Арх.“ за 1901 г. Судя по названію, записка могла бы дать очень много; но она написана съ большою сдержанностью и осторожностью, такъ что при самомъ внимательномъ чтеніи въ ней виденъ только гуманнѣйшій петербургскій чиновникъ,—не больше ¹⁾).

Обратимся теперь къ матеріаламъ еще неизданнымъ. Въ 1857 году дочь С-го доставила въ даръ Пуб. Библиотекѣ всѣ бумаги своего отца, которыя остались отъ него, и письма къ ней. Всѣ бумаги распределены въ настоящее время по отдѣламъ (юридическія статьи и замѣтки: философскіе, богословскіе и др.). Раздѣленіе это, по нѣкоторымъ условіямъ, очень не точно. При замѣткахъ С-го по богословскимъ вопросамъ попадаются приписки чисто философскаго, напр. теоретико-познавательнаго характера, такъ что одинъ и тотъ же листъ надо было бы отнести и къ философскому и къ богословскому отдѣламъ одновременно. Кромѣ того, самый характеръ мыслей С-го ставитъ препятствія такому раздѣленію. Какъ мы увидимъ ниже, у С-го всегда замѣчается самое тѣсное взаимное проникновеніе элементовъ отвлеченно-философскаго характера, чисто-богословскихъ и мистическихъ соображеній. Въ виду этого мы пользовались для нашей цѣли какъ богословскимъ отдѣломъ его бумагъ, такъ и философскимъ. Всѣ эти рукописи находятся въ очень безпорядочномъ состояніи. Большинство ихъ написано карандашомъ безъ датъ и оглавленій, съ частыми пометками и исправленіями. Иногда это—большіе листы голубой или бѣлой бумаги, иногда—только клочки, часто неправильной формы. Среди его замѣтокъ, писанныхъ въ Сибири, мы попались, между прочимъ, рапортъ о состояніи тюрьмы въ од-

¹⁾ Къ числу напечатанныхъ трудовъ С-го принадлежитъ еще „проповѣдь“, помѣщенная въ „Христ. Чт.“ за 1881 г. и „Слово отъ 1791 г. въ недѣлю мясопустную. М. М. Сперанскаго“. (Ярославль, 1893 г. и Яросл. епарх. вѣд. 1893 г., № 4). Указаніе на это Слово имѣлось у Корфа (т. 1, стр. 28), но самое Слово долго не находилось. Сохранилось оно благодаря тому, что было списано въ свое время товарищами-академиками С-го. На одномъ изъ списковъ, древнѣйшемъ, подписано: „Сказывано въ Александро-Невскомъ монастырѣ студентомъ Богословія госп. Сперанскимъ“. а на второмъ, позднѣйшемъ: „Сочинено Академіи Петербургской префектомъ Сперанскимъ“. Последнею изъ этихъ подписей означена дата списанія, т. е. 1796 или ближайшій къ этому годъ.

номъ сибирскомъ городѣ; на оборотѣ раппорта С-ій набросалъ карандашомъ нѣкоторыя мысли. Многія замѣтки того же (сибирскаго) періода, помѣченныя 19-мъ и 20-ми годами и написанныя прыгающими буквами, писаны, какъ можно предполагать, во время тряски въ кибиткѣ по безконечнымъ сибирскимъ дорогамъ, т. к. обычный почеркъ того времени у С-го всегда очень четокъ и правиленъ¹⁾. Несмотря на отсутствіе датъ, часто все же можно довольно точно опредѣлить время написанія той или иной замѣтки, руководствуясь: 1) сличеніемъ почерковъ, чернилъ и бумаги датированныхъ рукописей съ непомѣченными числомъ и 2) водяными знаками на бумагѣ, которые обыкновенно довольно точно совпадаютъ съ дѣйствительнымъ годомъ написанія, отставая только на годъ или на два²⁾.

Меньшая часть рукописей, писанная на голубой бумагѣ и почти всегда чернилами, относится къ 12-мъ—22-мъ годамъ: послѣ этого С. все время писалъ карандашомъ на желтой бумагѣ безъ водяныхъ знаковъ и часто датировалъ свои замѣтки. Всѣ рукописи охватываютъ періодъ приблизительно въ 30 лѣтъ: на одной изъ раннихъ рукописей водяной знакъ—1806, а позднѣйшія замѣтки помѣчены 1837—8 годами. Всѣ рукописи богословскаго содержанія занимаютъ приблизительно 700 листовъ писчей бумаги большого формата, т. е. 2800 страницъ, разгонисто писанныхъ крупнымъ³⁾ почеркомъ, при чемъ поля въ половину листа почти всегда заполнены поправками и дополненіями. Большая часть рукописей писана на русскомъ языкѣ, незначительное число—на французскомъ и только 3—4 на нѣмецкомъ и латинскомъ. Часть рукописей (относящаяся къ 20-мъ и 30-мъ годамъ) С-ій попытался привести въ порядокъ, поставилъ оглавленія и перенумеровалъ. Порядокъ номеровъ идетъ не хронологическій, а по содержанію, но и въ этомъ отношеніи большой систематичности и послѣдовательности нѣтъ. Всѣ, напри-

1) Эти факты доказываютъ, что С-ій постоянно жилъ своими мыслями религіознаго характера, что даже такое трудное дѣло, какъ ревизія Сибири и дальнѣйшее генераль-губернаторство, не отрывало его отъ размышленій.

2) Правда, мнѣ встрѣтилась одна рукопись, на которой водяной знакъ 1806, а дата—30 января 1819 года. Но это случай единственный.

3) Кромѣ 37-го и 38-го годовъ.

мѣръ, толкованія на Іоанна собраны подъ номерами 170—180, но уже № 181 содержитъ мысли о времени и вѣчности, № 182—толкованіе на текстъ „Посланія къ Римлянамъ“ VIII, 23 и Марк. XVI, 12 и т. д. Бóльшая часть рукописей—мелкія замѣтки въ 1—3 листа, часто въ $1\frac{1}{2}$ листа или четвертушку. Но попадаются и цѣлые трактаты въ 40—50 листовъ, какъ, напримѣръ „Ὁμοούσιος“, „О духѣ“ и др. По содержанію, какъ мы уже говорили, это, главнымъ образомъ,—самостоятельныя размышленія С-го, и только незначительная часть—выписки изъ читанныхъ книгъ.

Изъ одного письма къ Цейтеру ¹⁾ мы знаемъ обычай С-го читать книгу съ листомъ бумаги и карандашомъ въ рукѣ, и надо только удивляться малому количеству такихъ выписокъ, дошедшихъ до насъ, между тѣмъ какъ они имѣли бы громадное значеніе для опредѣленія того, подъ какимъ вліяніемъ складывалось міровоззрѣніе С-го.

3.

Исторія вопроса.

Спеціально вопросу о С-мъ, какъ религіозномъ мыслителѣ, посвящены только двѣ работы: болѣе ранняя,—Епископа Теофана, и позднѣйшая—профессора Катетова ²⁾, но о религіозныхъ убѣжденіяхъ С-го между прочимъ писали многіе,—или при характеристикѣ эпохи ³⁾, или при общемъ обзорѣ ній его жизни ⁴⁾. Разсматривать исторію вопроса я буду хронологически, нарушая хронологическую послѣдовательность только тамъ, гдѣ это окажется удобнымъ и не затемняющимъ дѣла. Работы о религіозныхъ взглядахъ С-го появились сравнительно поздно ⁵⁾, и потому намъ придется сначала имѣть дѣло съ отрывочными сужденіями и случайными оцѣнками духовной жизни С-го. Гоняться за исчерпывающей полнотой всѣхъ фразъ и словъ, часто вздорныхъ ⁶⁾ и неосновательныхъ, мы не будемъ. Мы будемъ разсматривать

¹⁾ См. „Р. Арх.“ 1830 г. стр. 190.

²⁾ Сюда же съ нѣкоторой натяжкой можно отнести и статью Чистовича въ „Хр. Чт.“, о которой ниже.

³⁾ Пыпинъ, Дубровинъ, Колюпановъ и др.

⁴⁾ Баронъ Корфъ, Лонгиновъ, Чистовичъ и др.

⁵⁾ Еп. Теофана „Осн. дух. жизни“ въ 1882 году, а трудъ Катетова въ 1889 г.

⁶⁾ См. „Р. Слово.“ 1861 г.

здѣсь только мнѣнія болѣе или менѣе типичныя и оригинальныя.

Въ 1859 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ была помѣщена статья Лонгинова „Графъ Сперанскій 1)“. Статья эта является полнымъ сводомъ всего, напечатаннаго о С-мъ до 59 г. Въ этомъ—ея положительное достоинство 2). Но это достоинство,—нагроможденіе огромнаго матеріала, обычное у Лонгинова, большого знатока литературы александровскаго времени,—это достоинство приводитъ къ полному отсутствію цѣльности въ статьѣ и согласованія отдѣльныхъ ея частей. Въ ней Сперанскій - государственный дѣятель стоитъ совершенно особо отъ С-го-семьянина и отъ С-го религіознаго мыслителя. Я съ умысломъ подчеркиваю этотъ фактъ, т. к. и изъ послѣдующихъ авторовъ, писавшихъ о С-мъ, ни одинъ не пытался примирить и понять С-го-реформатора и С-го-мистика, С-го, писавшаго Словцову, что бесѣда о духовныхъ предметахъ есть единственная для него интересная и что все прочее пусть идетъ, какъ можетъ, и С-го, поглощеннаго въ это же самое время (1808 г.) мыслями о пересозданіи государственнаго строя на началахъ порядка и законности. Обозрѣвши государственную дѣятельность С-го до 1816 года Лонгиновъ вскользь говоритъ о религіозномъ настроеніи С-го, приводя въ примѣръ два письма его къ дочери, въ которыхъ, собственно, говорится гораздо больше, чѣмъ только о „религіозномъ настроеніи“.

По крайней мѣрѣ, во второмъ письмѣ С-йй, въ выраженіяхъ тогдашнихъ мистиковъ, говоритъ о постоянномъ чудѣ рожденія Сына въ душахъ людей, въ душахъ тѣхъ людей, которые нашли себѣ „благословенную дѣву Марію, отъ которой единой Хр. Спаситель можетъ родиться“. На такихъ подробностяхъ, характеризующихъ извѣстнымъ образомъ религіозное настроеніе С-го, Лонгиновъ не останавливается и только указываетъ 3) на нѣкоторые матеріалы для такой характеристики.

Отъ слѣдующаго біографа С-го, барона Корфа, мы вправѣ

1) Т. XXIII.

2) Правда, въ этой статьѣ попадаются невѣрныя (ссылки см. стр. 560), гдѣ ошибочно показано, будто письмо къ Словцову было помѣщено въ „Москв.“ 1845 г. № 5), но такихъ ошибокъ мало.

3) Стр. 560.

были бы ожидать многого по интересному для насъ вопросу, т. к. этотъ авторъ находился въ особенно благоприятныхъ условіяхъ для работы надъ біографіей С-го. Корфъ былъ лично знакомъ со С-имъ съ начала 20-хъ годовъ и „многіе года работалъ подъ его руководствомъ“¹⁾; съ другой стороны Корфу особенно легко было доступъ къ матеріаламъ И. П. Б.

Прежде всего мы должны констатировать фактъ, что о религиозныхъ мысляхъ и построеніяхъ С-го б. Корфъ говоритъ всего въ трехъ мѣстахъ, при чемъ въ одномъ изъ нихъ онъ только приводитъ чужія слова. Во второмъ томѣ б. Корфъ приводитъ описаніе жизни С-го въ Перми, составленное Поповымъ, гдѣ находится слѣдующее мѣсто: „Читалъ онъ (С-ій) больше все богословскія сочиненія: въ порядочной семинарской бібліотекѣ не осталось ни одной книги имъ не прочитанной съ величайшимъ вниманіемъ и большею частью съ составленіемъ для себя выписокъ“²⁾. Подробнѣе о богословскихъ занятіяхъ С-го пишетъ самъ уже Корфъ при описаніи жизни С-го въ Великопольѣ³⁾. „Собственныя ученныя занятія С-го въ Великопольѣ были и многочисленны и разнообразны. Сохранилось множество написанныхъ имъ въ Великопольѣ разсужденій содержанія юридическаго, философскаго, богословскаго и частью мистическаго, которыя онъ набрасывалъ на бумагу по мѣрѣ того, какъ мысль зарождалась въ его умѣ или возбуждалась чтеніемъ. Это—отрывки, не состоящіе ни въ какой взаимной между собою связи, но имѣющіе почти всѣ своеобразное достоинство, какъ по содержанію, такъ и по изложенію. Но всего усидчивѣе занимался С-ій въ деревнѣ патристикой“.

Наконецъ, въ самомъ концѣ книги⁴⁾, при общей характеристикѣ С-го, Корфъ добавляетъ къ сказанному выше еще нѣсколько словъ. Здѣсь, на 1½ страницахъ онъ даетъ нѣчто вродѣ исторіи религиознаго развитія С-го. Въ первой половинѣ жизни С-го въ немъ, по словамъ Корфа, мистицизмъ являлся „плодомъ пытливаго ума, неугомонно стремивша-

¹⁾ Корфъ I, X.

²⁾ II, 77. Важный фактъ, на который мы выше обращали уже вниманіе.

³⁾ См. стр. 98—99.

⁴⁾ Стр. 384—5.

гося познать и изслѣдовать всѣ явленія человѣческой жизни. Впослѣдствіе, подѣ влияніемъ ссылки „прежній мистико-поэтический зародышъ“ развился до степени піэтизма“. Кромѣ того, на его міровоззрѣніе оказалъ вліяніе также и духъ времени, „поклоненіе началу неподвижности, а вмѣстѣ съ нимъ суевѣрный обскурантизмъ“, хотя С-ій и не дошелъ до подобныхъ крайностей. Мы напрасно стали бы искать у б. Корфа оцѣнки мистическаго настроенія С-го. Это—невозможно, во 1-хъ, по той причинѣ, что сущность этого настроенія Корфъ нигдѣ не рисуетъ ясными и отчетливыми чертами. Дѣйствительно, какъ читателю скомбинировать занятія С-го потристикой, преклоненіе передъ Филаретомъ Московскимъ ¹⁾ и Евгеніемъ, переводы Өммы Кемпійскаго, восторги передъ m-me Guyon, и настроеніе, созданное подѣ влияніемъ „духа времени“, выражаемомъ Жозефомъ де Местромъ, Бональдомъ, Галлеромъ и т. д. ²⁾? Вторая причина отсутствія оцѣнки—характеръ самого Корфа и манера его излагать факты,—манера усвоенная, вѣроятно, въ канцеляріяхъ, гдѣ предполагается тонъ „эластической неопредѣленности“ ³⁾. А вмѣстѣ съ тѣмъ у б. Корфа былъ вѣрный взглядъ на религіозныя мысли С-го, но выраженный до того слабо и неубѣдительно, что остается неяснымъ и неоправдываемымъ тѣми матеріалами, которые приводитъ б. Корфъ въ своемъ трудѣ ⁴⁾. Вотъ эта мысль: „Сперанскій, можно сказать, никогда вполне не выразилъ себя во вѣншей своей дѣятельности. Онъ, правда, творилъ вездѣ, къ чему ни прикасался, и много своей жизни перелилъ въ тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые старались его понять; но какъ *поприще, на которомъ онъ былъ призванъ дѣйствовать*—т. е.—*служба*.—не открывало *полнаго простора для его творчества*, то и жизнь его была вообще болѣе жизнью духа. Отъ этого онъ остался для массы чѣмъ-то невысказавшимся, спорнымъ, идеей, не перешедшей въ дѣло“ ⁵⁾. Если выразить эту мысль короче и опредѣленнѣе, то получится слѣдующее: внутренняя жизнь С-го, его силы,

¹⁾ Стр. 77.

²⁾ Стр. 384.

³⁾ См. у него же II, 380.

⁴⁾ Я даже не настаиваю, что б. Корфъ хотѣлъ выразить своей фразой именно то, что я вижу въ ней.

⁵⁾ II, 370.

способности, знанія и стремленія нашли себѣ только частичное примѣненіе въ службѣ. Это точный смыслъ словъ Корфа. Но почему же б. Корфъ въ такомъ случаѣ не показалъ, въ чемъ же заключается самъ Сперанскій, его интереснѣйшая часть, не проявившаяся въ службѣ? И если это, какъ думаемъ мы, если эта неизвѣстная публикѣ часть С-го находится въ его философскихъ и богословскихъ мысляхъ, то почему б. Корфъ не остановился на нихъ подробнѣе? Въ этомъ—недостатокъ труда Корфа,—той части, гдѣ почтенный біографъ касается характеристики С-го и этотъ недостатокъ, къ сожалѣнію, пока не исправленъ послѣдующими историками. Въ изданной въ 71 году книгѣ: „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I“ Пыпинъ, называя С-го мистикомъ-квѣтистомъ ¹⁾, констатируетъ странность соединенія прогрессивныхъ тенденцій С-го съ его мистицизмомъ. „Мистицизмъ С-го, такъ странно соединившійся съ большою положительностью другихъ его мнѣній, есть характеристическая черта времени. Такъ это было и въ тайныхъ обществахъ западныхъ, гдѣ радикальныя политическія увлеченія иногда прямо основывались на экзальтаціи идеальнымъ христіанствомъ“ ²⁾. Вышеприведенныя мнѣнія г. Пыпина оставляютъ странное впечатлѣніе: если С-ій мистикъ-квѣтистъ (свои сужденія объ этомъ Пыпинъ основываетъ главнымъ образомъ на перепискѣ съ Цейеромъ), то его огромная *дѣятельность*, о которой самъ Пыпинъ говоритъ въ этой же книгѣ, является чѣмъ-то совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ. Дѣло объясняется недостаточностью матеріала, которымъ пользовался Пыпинъ. Если бы, кромѣ названной переписки, онъ ознакомился съ другими матеріалами, то навѣрное не проглядѣлъ бы значительнаго элемента активности, который существовалъ не только въ его государственной дѣятельности, но и во всемъ его міровоззрѣніи и въ его цѣломъ. Оставляя на своей обязанности обосновать эту мысль ниже, въ соответствующемъ мѣстѣ, мы приведемъ здѣсь только одно мѣсто изъ письма С-го, напечатаннаго въ № 4 „Москвитянина“ за 1843 годъ ³⁾: „Врагъ нашъ одинъ и тотъ же, князь тьмы вѣка сего, у коего всегда

1) Стр. 333.

2) Стр. 334; во II и III изд.—311.

3) Стр. 481.

и вездѣ славно отнять хоть одну раскаленную стрѣлу, хоть одно перо изъ чернаго, его крыла. Мысль сія часто меня утѣшаетъ; нѣтъ срединъ: кто не крестный рыцарь, тотъ Донъ-Кишотъ на семь свѣтъ“. Письмо помѣчено ноябремъ 1817-го года и, слѣдовательно, относится къ тому же времени, какъ и письма его къ Цейеру. Чтобы покончить съ отрывочными разсужденіями о мистицизмѣ С-го, я упомяну о 10-й—12-й страницахъ, посвященныхъ этому вопросу Колюпановымъ въ его біографіи Кошелева ¹⁾ и о сужденіи на этотъ счетъ Дубровина въ его работѣ „Лабзинъ и Сіонскій Вѣстникъ“, печатавшейся въ „Русской Старинѣ“ въ 94 и 95 годахъ. Колюпановъ ограничивается исключительно пересказомъ писемъ С-го къ Цейеру ²⁾; Дубровинъ пользуется и другими матерьялами (изданіемъ И. П. Б. „Въ память гр. Сперанскаго“, работою Катетова, но, главнымъ образомъ, все тѣми же письмами къ Цейеру). Дубровинъ разсматриваетъ мистицизмъ С-го въ цѣляхъ характеристики религіознаго движенія его времени ³⁾, поэтому никакой особой характеристики и оцѣнки ему не даетъ, и сама личность С-го въ этой работѣ его нисколько не интересуется. Въ той части работы, которая касается С-го, Дубровинъ остается вѣрнѣ характеру всей работы, представляющей крупное достоинство въ обиліи собраннаго матерьяла, часто совершенно новаго ⁴⁾, но слабой въ выводахъ и сужденіяхъ ⁵⁾. Теперь мы можемъ перейти къ трудамъ, посвященнымъ специально религіозности С-го. Ихъ немного. Въ хронологическомъ порядкѣ это будутъ: 1) статья Чистовича въ „Хр. Чт.“ за 1871 годъ № 12. 2) „Письма о духовной жизни“ еп. Теофана, изданныя въ 1872 году въ СПб. и затѣмъ выходившія въ Москвѣ въ 82, 92 и 97 годахъ. 3) Диссертация проф. Казанской Духовной Академіи Катетова „М. М. С-ій, какъ религіозный мыслитель“, напечатанная въ 5—12 книжкахъ „Пр. Соб.“ за 1889 годъ.

¹⁾ М. 1889—92.

²⁾ „Р. Арх.“ 1870 г.

³⁾ „Р. Ст.“ 1894 г. IX, 160.

⁴⁾ Напр. архивныя данныя изъ архивовъ С.-Пб. Университета, Академіи Художествъ и Синода.

⁵⁾ Напр. сужденіе или, вѣрнѣе, осужденіе авторомъ французской революціи по статьямъ духовныхъ журналовъ.

Статья Чистовича написана по случаю столѣтія со дня рожденія С-го. Цѣлью ея, по словамъ автора, является изображеніе „тѣхъ чертъ его жизни и дѣятельности, которыя имѣють отношеніе къ духовнымъ училищамъ и духовному образованію“ ¹⁾. Не смотря на это авторъ находитъ возможнымъ выходить кое гдѣ за предѣлы свое узкой темы, благодаря чему его статья вышла довольно обширной ²⁾. Такъ какъ новаго матеріала авторъ не открываетъ, то интересъ статьи можетъ заключаться въ новизнѣ или оригинальности взглядовъ и выводовъ. Посмотримъ, насколько статья цѣнна съ этой стороны.

Изложенію прямой задачи своего труда авторъ предпосылаетъ толково составленную ³⁾ біографію С-го, при чемъ временемъ прибытія С-го въ Петербургъ считаетъ, вопреки Корфу, 1789 годъ. Очень интересно и полно разсказанъ эпизодъ съ съ Фесслеромъ въ 1810 году, эпизодъ, который далъ поводъ Чистовичу коснуться характера С-го. „Въ духовномъ типѣ М. М. Сперанскаго можно различать двѣ существенныя черты живое отношеніе къ предметамъ вѣры и соприкосновеннымъ съ нею вопросамъ философской науки, условливавшее собою болѣе или менѣе свободное и прогрессивное движеніе мысли, и—мистицизмъ, какъ специальное содержаніе этого типа, какъ опредѣленную форму, въ которую облеклось (это живое стремленіе къ истинѣ“ ⁴⁾. Этотъ мистицизмъ Чистовичъ оцѣниваетъ ближе на стр. 1011. „Мы напрасно стали бы искать въ мистическихъ идеяхъ С-го чего-либо новаго, оригинальнаго, тѣмъ менѣе строгой системы мыслей, которую можно было бы разсматривать, какъ полное міровоззрѣніе. Мистицизмъ вообще, по самому существу своему, не столько есть доктрина, сколько жизненное состояніе. Онъ вращается болѣе въ сферѣ чувствъ, нежели мысли“. Въ этой оцѣнкѣ заключается крупная ошибка, обусловившая полное непониманіе Чистовичемъ мистическихъ идей С-го. Кромѣ того, что авторъ ошибается, думая, будто мистическое настроеніе можетъ выливаться только въ одну форму—піетизмъ, или жизнь сердцемъ (онъ забываетъ здѣсь огромныя теософическія системы,

¹⁾ Стр. 961.

²⁾ 60 страницъ.

³⁾ Глав. обр. по Корфу.

⁴⁾ Стр. 998.

построенныя на базисѣ мистики), кромѣ этого авторъ страдаетъ недостаткомъ матеріала, который могъ бы показать ему, что у С-го было очень стройное міровоззрѣніе мистическаго характера и довольно логичная система мыслей.

Этотъ матеріаль, рукописи И. П. Библіотеки, былъ у слѣдующаго изслѣдователя, г. Катетова, къ которому мы и обратимся, минуя пока еп. Теофана, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей его труда. Начинается статья маленькимъ библиографическимъ введеніемъ, въ которомъ авторъ, вмѣстѣ съ обзоромъ матеріала, намѣчаетъ въ общихъ чертахъ планъ работы и свои руководящія мысли.

Мы остановимся сначала на вопросѣ о матеріалѣ. Катетовъ первый изъ изслѣдователей затронулъ огромный рукописный матеріаль по данному вопросу, но воспользовался имъ крайнѣ небрежно, что объяснимо только неудобствомъ для профессора провинціальной Академіи работать продолжительное время въ столицѣ, гдѣ этотъ матеріаль хранится. Катетовъ пишетъ ¹⁾, что онъ взялъ изъ рукописей С-го „только тѣ, которыя съ одной стороны представляютъ собою что-либо болѣе или менѣе замѣчательное и интересное по мысли, а съ другой—нѣчто въ то же время связанное и цѣльное“. Потому онъ взялъ только слѣдующіе трактаты и замѣтки: а) „О литургіи“, б) „Смыслъ Исхода“, в) „Понятіе добра и пользы“, г) „Первый и послѣдній Адамъ“. д) „Бысть первый человекъ Адамъ etc.“ е) „О молитвѣ и церкви“, ж) „Имамы ходатаи къ Богу“. Эти семь замѣтокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя объемомъ едва въ 1 листъ, не составляютъ и сотой части того, что писалъ С-ій по религіознымъ вопросамъ и что хранится въ И. П. Библіотекѣ. Если г. Катетовъ руководился при выборѣ интересомъ содержанія и цѣльностью, то прежде всего это—вполнѣ ненаучный принципъ: очень важная замѣтка можетъ быть отрывочной и незаконченной, а понятіе интереса очень субъективно у г. Катетова, что доказывается слѣдующимъ. Г. Катетовъ совершенно не замѣтилъ среди рукописей С-го слѣдующихъ большихъ и очень важныхъ статей: 1) „*Ομοούσιος*“; первый міръ; статья, въ которой шагъ за шагомъ изображается постепенное развитіе міра, изложенное въ духѣ мистиковъ пантенстовъ. Это—цѣлая космогонія,

¹⁾ № 5 стр. 91—2.

которую г. К. совершенно проглядѣлъ; 2) „О духѣ“; въ этой статьѣ С-ій пытается логически дедуктировать понятіе міра изъ понятія о созерцающемъ себя духѣ 3) „Вси бо во Адамѣ умрохомъ“, мысли о роли человѣка на землѣ; 4) „О религіи“. Понятіе религіи и обзоръ историческаго ея развитія (46 листовъ). Я не буду перечислять дальше всѣ большіе труды, опущенные г. Катетовымъ. Изъ тѣхъ названій, которыя я привелъ ¹⁾, изъ приведеннаго выше видно, что статьи эти имѣютъ огромное значеніе для построенія мировоззрѣнія С-го, какъ системы, чего г. К. не сдѣлалъ вслѣдствіе незнакомства, какъ это ни странно, съ матеріаломъ. Это—первый серьезный недостатокъ въ трудѣ Катетова; второй недостатокъ заключается въ отсутствіи у автора постоянной твердой точки зрѣнія на предметъ его статьи. На стр. 89-й, № 5, онъ пишетъ: „Проблески истинно-христіанской мистики у него (С-го) до того слабы, что ихъ почти незамѣтно за разными ухищреніями западнаго мистицизма“. Въ слѣдующемъ № 6 на стр. 318 тотъ же Катетовъ пишетъ: „Сперанскій, оставаясь по существу истиннымъ православнымъ христіаниномъ, въ частностяхъ увлекался взглядами тогдашнихъ мистиковъ“, т. е. какъ разъ обратное тому, что заявлялось въ предыдущей книжкѣ журнала. Послѣ предисловія, въ которомъ мы обнаружили два главныхъ недостатка труда Катетова, слѣдуетъ обзорѣ мистическаго движенія въ Россіи и при Александрѣ I-мъ, которое доказываетъ нѣкоторую начитанность автора въ данномъ вопросѣ, но мало отличается отъ обычныхъ обзоровъ этой эпохи ²⁾.

Съ третьей книжки, К. приступаетъ къ самому предмету, раздѣливъ предварительно духовное развитіе С-го на слѣдующіе три періода: 1) „Періодъ мыслительности С-го въ духѣ православія съ нѣкоторою примѣсью юношескаго либерализма въ вопросахъ нравственности“. (до 1799 года). 2) „Періодъ теоретическаго изученія мистицизма по западнымъ авторитетамъ (до 1812—3-хъ годовъ)“. 3) Періодъ практическаго усвоенія мистическихъ началъ и самостоятельная работа надъ изученіемъ Св. Писанія и св. отцовъ.

¹⁾ Я привелъ только незначительную часть, т. к. вернусь къ остальному ниже.

²⁾ См. Галахова въ „Ж. М. Н. П.“ 1875, XI; Буличъ, „Ист. Об.“ т. т. XI. ХП 1901 г.; Дубровинъ, о. с.; Пыпинъ, о. с.; и др.

Въ этомъ дѣленіи, которое, въ неясной формѣ, есть уже у Корфа, заключается большое положительное достоинство труда Катетова. Это раздѣленіе мы принимаемъ въ своей работѣ цѣликомъ, ничего не откидывая, а только дополняя недостающіе факты и стараясь установить болѣе твердую оцѣнку этихъ фактовъ.

Здѣсь же умѣстно будетъ, мнѣ кажется, замѣтить, что я останавливаю главное свое вниманіе на *третьемъ* періодѣ и на метафизикѣ С-го, въ виду того, что первый и второй періодъ, равно какъ и практика его міровоззрѣнія (молитва, постъ и т. д.) изложены въ рассмотрѣнныхъ выше трудахъ, особенно у Катетова, вполне исчерпывающимъ образомъ.

Ниже, при изложеніи самого предмета моей статьи, я неоднократно буду возвращаться къ оцѣнкѣ работы г. Катетова, а теперь вкратцѣ рассмотрю послѣднюю работу о С-мъ, именно „Письма о духовной жизни“ еп. Теофана.

Собственно говоря, сказать, что этотъ трудъ посвященъ нашей темѣ, нельзя. Авторъ воспользовался письмами С-го, помѣщенными въ „Р. Арх.“ 1870 г. для того, чтобы въ формѣ разбора этихъ писемъ изложить собственные взгляды на сущность духовной жизни, такъ что эта книжка является какъ бы кодексомъ православной мистики. Особенную авторитетность придаетъ этому труду, какъ личность самого еп. Теофана, такъ и методъ его, состоящій въ томъ, что въ своихъ сужденіяхъ пр. Теофанъ ссылается не только на личный опытъ, но главнымъ образомъ на свидѣтельства знаменитыхъ созерцателей и аскетовъ, труды которыхъ собраны главнымъ образомъ въ Добротолюбіи.

Что же касается вопроса, прямо насъ интересующаго, — религиозныхъ взглядовъ С-го, то здѣсь надо принять во вниманіе слѣдующее: 1) авторъ, какъ было упомянуто, пользовался только десятью письмами С-го; 2) авторъ имѣлъ слишкомъ мало матеріала, чтобы судить о православіи С-го, благодаря чему его опредѣленіе С-го, какъ истинно православнаго мало обосновано. Авторъ, можетъ быть, былъ бы правъ, во всякомъ случаѣ съ нимъ трудно было бы спорить, если бы онъ опредѣлялъ, какъ православную только „духовную жизнь“ С-го; но еп. Теофанъ говоритъ о немъ цѣликомъ, какъ о человѣкѣ, „развившемъ въ себѣ полную христіанскую

жизнь“ ¹⁾), слѣдовательно, — и о мысляхъ его и объ его теософскихъ построеніяхъ, между тѣмъ какъ съ этимъ совершенно невозможно согласиться. Въ одномъ своемъ сочиненіи еп. Теофанъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ православное ученіе о Богѣ: „Богъ, единый по существу, троиченъ въ лицахъ. Сей тріипостасный Богъ всесовершенный, *по свободной волѣ своей, безъ всякой внутренней или внешней необходимости*, въ шесть дней, единымъ словомъ сотворилъ міръ сей“ ²⁾). Между тѣмъ С-ій вездѣ, гдѣ говоритъ о созданіи міра, показываетъ *внутреннюю необходимость* этого. Это — случайный примѣръ. Ниже мы встрѣтимся со многими другими, завѣдомо неправославными взглядами С-го; таково на примѣръ, признаніе палингенезіи, и др.

Не смотря на это, все же, повторяю, сочиненіе еп. Теофана имѣетъ большую цѣну и для нашей, въ частности, работы, какъ ясное и точное изложеніе православной мистики, написанное вполнѣ компетентнымъ въ этихъ вопросахъ лицомъ.

На этомъ мы закончимъ библиографическое введеніе и перейдемъ къ самой темѣ, стараясь восполнить тѣ недостатки, которые мы подчеркнули въ разсмотрѣнныхъ выше трудахъ.

ЧАСТЬ II.

1.

Нѣкоторыя черты характера С-го.

Я не буду останавливаться на біографіи С-го, какъ въ виду ея общеизвѣстности, такъ и потому, что предметъ работы — не въ этомъ. Я буду только указывать по мѣрѣ надобности на отдѣльные факты изъ его біографіи, предполагая ихъ извѣстными.

Говорить о религіозныхъ идеяхъ или чувствахъ С-го перваго періода трудно, т. к. С-ій не ими жилъ въ это время. До самой смерти жены (1799 г.) его интересуютъ исключительно этические проблемы, которыя онъ рѣшаетъ средствами тогдашней свѣтской философіи, находя, что „разумъ и самолюбіе (эгоизмъ) все изъясняютъ“. Цѣль жизни — въ счастіѣ, а счастье — только у добродѣтельныхъ людей, что со-

¹⁾ Стр. 10.

²⁾ „О православіи“ М. 1893 г. стр. 14.

вершенно ясно доказываетъ нашъ разумъ. Этика С-го носитъ чисто головной характеръ, что такъ хорошо гармонируетъ съ общимъ его складомъ ¹⁾).

На характеръ С-го мы немного остановимся, т. к., безъ выясненія нѣкоторыхъ чертъ его, мало будетъ понятно дальнейшее. Въ самомъ дѣлѣ: всѣ обширные государственные труды С-го были возможны только благодаря огромному уму, благодаря поразительной способности къ ясному, систематическому, дискурсивному мышленію. Причемъ же здѣсь мистицизмъ? Какъ можетъ уживаться въ одномъ характерѣ указанная способность съ мистическимъ чувствомъ, съ мистицизмомъ, который вѣдь для многихъ служить синонимомъ чего-то неяснаго, хаотическаго, прибѣгающаго охотнѣе къ интуиціи, чѣмъ къ логикѣ? Этотъ вопросъ мы и будемъ сейчасъ имѣть въ виду, не надѣясь, конечно, на его окончательное рѣшеніе. Духовный обликъ человѣка окончательно складывается послѣ нѣкотораго процесса, который можетъ идти однимъ изъ двухъ путей: или извѣстныя склонности и черты характера являются столь сильными, что опредѣляютъ выработку міровоззрѣнія, не смотря на участіе въ этой работѣ и раціональнаго, логическаго элемента, и, такимъ образомъ, предшествуютъ міровоззрѣнію, какъ системѣ сужденій о мірѣ, или же—второй случай—принятая въ силу логической принудительности система мыслей формуетъ по свѣдѣму характеръ, развиваетъ въ немъ ту или иную его сторону и, такимъ образомъ, предшествуетъ извѣстнымъ чертамъ характера.

Это станетъ яснѣе, если въ человѣкѣ, разсматриваемомъ, какъ духовное цѣлое, мы будемъ различать: 1) реальный элементъ—характеръ, который можетъ быть эмоціональнымъ, волевымъ или интеллектуальнымъ (мы принимаемъ здѣсь для удобства классификацію Бэна), и 2) раціональный элементъ—его міропониманіе, систему его знаній.

Конечно, въ каждомъ человѣкѣ реальный элементъ хронологически предшествуетъ раціональному: характеръ—первѣе міровоззрѣнія. Но здѣсь надо имѣть въ виду, что эмоціональный и волевой характеры много значатъ для самого содержанія міровоззрѣнія, которое они вырабатываютъ. Человѣкъ,

¹⁾ Объ этомъ см. его „Досуги“, напечатанные въ „Сынѣ Отеч.“ за 1844 г. №№ 1 и 2 и воспроизводимые Катетовымъ и Лонгиновымъ.

обладающій мистическимъ чувствомъ, этимъ самымъ обреченъ на выработку системы, гдѣ мистическій элементъ займетъ видное мѣсто.

Субъектъ активный не будетъ квіэтистомъ въ своемъ міровоззрѣніи,—всѣ его чувства и инстинкты будутъ горячо протестовать противъ этого. Не то будетъ въ характерахъ интеллектуальныхъ. Человѣкъ, дѣйствующій въ сферѣ чистой мысли, незамутимой примѣсью чувства, становится работою логики. Онъ безпрекословно приметъ все, къ чему ни приведетъ его отвлеченная мысль, т. к. его эмоціи въ силу своей крайней слабости не будутъ сопротивляться никакому логическому выводу. Но, въ свою очередь, эти логическіе выводы, сознанные съ полною отчетливостію, оказываютъ сильное дѣйствіе на характеръ человѣка, если онъ дѣйствительно серіозно и добросовѣстно мыслить. С-ій вполне подходитъ подъ 2-й типъ; это, по моему, можетъ удовлетворительно объяснить, если не то, почему С-ій остановился именно на мистицизмѣ, то во всякомъ случаѣ то, что онъ могъ обратиться къ нему.

Если бы я сталъ здѣсь доказывать многочисленными выписками изъ писемъ, отзывовъ современниковъ и пр., что С-ій отличался преобладаніемъ интеллекта надъ аффективной стороной, то оказался бы въ положеніи человѣка доказывающаго то, что давно уже извѣстно, хотя и не вполне сознано, благодаря отсутствію у насъ сколько нибудь сносной и полной характеристики С-го ¹⁾. Извѣстно пристрастіе С-го въ учебные его годы къ *математикѣ* ²⁾. Выше мы приводили его этическія соображенія такого же характера. Самъ С-ій вполне отчетливо сознавалъ все это за собой. Въ одномъ письмѣ другу, писаномъ въ 90-хъ годахъ, онъ горько жалуется, что непреодолимая страсть къ анализу дѣлаетъ невозможнымъ для него всякое счастье. Онъ не можетъ удовлетвориться фактомъ счастья, ему нужно знать, что оно такое, почему онъ счастливъ. Но „счастье вещь нѣжная и не любитъ испытанія. Лишь только разумъ прикоснется къ нему волшебною своею тростью, оно исчезаетъ“ ³⁾.

¹⁾ См. Характеристику С-го у Ключевского въ его лекціяхъ, или у Барона Корфа I, 110.

²⁾ Корфъ I, 25, Булгаринъ, Воспоминанія, ч. V, 308.

³⁾ „Въ память гр. М. М. Спераяскаго, 362—8.

Позже С-инъ спокойнѣе смотрѣлъ на это свойство своего ума и даже призналъ его положительнымъ достоинствомъ „жизнь мысли, писалъ онъ, есть истинная жизнь: все прочее походить болѣе на ночныя грезы“¹⁾.

Всѣ эти отзывы и выписки станутъ лишними, если просмотрѣть хоть бѣгло его проекты по государственному управленію и перечестъ его обширную переписку, его замѣтки, статьи на философскія и религіозныя темы и т. д.

Во всѣхъ наримѣръ, его письмахъ, за тридцать лѣтъ сохраняется основной тонъ—ясная, чистая мысль, нигдѣ незамутненная ни гнѣвомъ, ни вдохновеннымъ порывомъ, ни чувствомъ глубокой муки или отчаянія. Изрѣдка мелькнетъ тонкое чувство нѣжной любви къ дочери, которое слегка окраситъ въ теплые тона эту прозрачную, холодную мысль, изрѣдка вырвется сожалѣніе о глупыхъ людяхъ... и только—ни гнѣва, ни страсти²⁾.

Онъ не чуждъ желанія послужить ближнимъ, но эти ближніе всегда очень далеки отъ его теоретическихъ построеній (вспомнимъ общій упрекъ С-ку въ томъ, что его преобразовательные планы далеки отъ жизни и тогдашней дѣйственности). Это служеніе обращается въ непріятную обязанность, перестаетъ быть для него жизненнымъ дѣломъ, какъ только ему приходится выйти изъ тиши кабинета, сталкиваться съ оппозиціей, имѣть дѣло съ грязными, недобросовѣстными, враждебными къ нему людьми, какъ это было въ 1818 году и во время его сибирскаго генераль-губернаторства, когда каждое письмо его дышало тоскливымъ желаніемъ покончить поскорѣй со своей миссіей,—ревизіей края. „Онъ могъ работать по восемнадцати часовъ въ сутки (Корфъ) и находилъ наслажденіе въ логическомъ развитіи своихъ мыслей, но совершенно не былъ способенъ на самостоятельную активную борьбу, на проведеніе своихъ взглядовъ въ жизнь“.

Если ко всему этому мы прибавимъ три факта³⁾: 1) религіозное воспитаніе въ дѣтствѣ; 2) богословское образованіе

¹⁾ „Р. Арх“. 1868 г. Письмо къ дочери 28 мая 1817 года.

²⁾ Объ этомъ см. между прочимъ Баснина „Воспоминанія о Сперанскомъ“ въ „Историч. Вѣст.“ 1903 г. I, изъ бумагъ А. Быкова, „Русск. Ст.“ 1903 г. IX стр. 517.

³⁾ Корфъ I, 5 сс.

и 3) распространенность мистическихъ идей и сочиненій въ тогдашнемъ обществѣ,—если мы примемъ это во вниманіе, то дальнѣйшая ¹⁾ эволюція С-го станетъ намъ понятна. Весьма возможно, что на направленіе мыслей С-го послѣ 1800 года повліяла и смерть его жены, приведшая его въ полное отчаяніе, которое едва не окончилось самоубійствомъ ²⁾.

2.

1804—10 г.г.

Вполнѣ ясныя указанія на поворотъ въ міросозерцаніи С-го мы замѣчаемъ въ перепискѣ его, начиная съ 1804 года. При изслѣдованіи этого поворота довольно ясно обнаруживаются и вліянія, подѣ которыми С-ій измѣнилъ свои прежніе взгляды, такъ что въ этой главѣ удобно будетъ разсматривать то и другое вмѣстѣ. Результатомъ этого переходнаго періода;—періода, какъ увидимъ, теоретическаго изученія мистическихъ сочиненій, явилась та *sapientia experimentalis*, которой характеризуетъ мистику Corderius, издатель латинскаго перевода Діонисія Ареопагита. По словамъ самого С-го, этотъ подготовительный періодъ тянулся 10 лѣтъ ³⁾; а т. к. С-ій пишетъ объ этомъ около 1813—14 года, изъ Перми, то начало разсматриваемаго періода мы можемъ довольно точно установить между 1803 и 1804 годами. Съ 1804 года мы имѣемъ рядъ документовъ для сужденія, съ одной стороны, о новомъ направленіи въ мысляхъ С-го, и съ другой—объ источникахъ, подѣ вліяніемъ которыхъ слагались эти новыя мысли. Эти документы слѣдующіе: 1) Письма къ Теофилакту Калужскому за періодъ 1804—6 годовъ 2) Письма къ Соловцову 1808—9 г.г. 3) Письма Лопухина къ Сперанскому за 1804—6 годъ.

Изъ этихъ писемъ мы прежде всего узнаемъ, что С-ій съ жадностью набросился на мистическія сочиненія западныхъ писателей, всюду разыскивалъ ихъ, выписывалъ черезъ Лопухина изъ Москвы и расхваливалъ ихъ своимъ корреспон-

¹⁾ Съ начала XIX ст.

²⁾ См. письмо его къ архимандриту Евгенію отъ 1800 года и особенно къ В. И. Каразину — „Москв.“ 1842 г. № 6 стр. 339.

³⁾ См. „Р. Арх.“ 1870 г., первое письмо къ Цейлеру.

дентамъ. Письма Лопухина къ С-му почти цѣликомъ состоятъ изъ сообщеній о новыхъ мистическихъ сочиненіяхъ и увѣдомленіяхъ о высылкѣ таковыхъ С-му, часто по его требованію. Въ первомъ письмѣ, отъ 22 сентября 1804 года ¹⁾, Лопухинъ пишетъ, что высылаетъ С-му Таулера, и прибавляетъ: „прочихъ еще не могъ найти, какъ и желаемого вами реестра“. Очевидно положеніе такое, что Лопухинъ, по порученію С-го, разыскиваетъ ему нѣкоторыя книги. Но что-же это за реестръ? Объ этомъ мы можемъ судить, кажется, съ достаточной точностью по послѣднему письму Лопухина, написанному, по несчастію, безъ даты. Къ этому письму приложенъ слѣдующій списокъ мистическихъ и богословскихъ сочиненій, повидимому, тотъ самый реестръ, о которомъ писалъ Лопухинъ въ первомъ письмѣ. Вотъ отъ: Ioh. Masolin. Thomas à Kempis. Ioh. Arndt. Taulerus (Tauler). Rusbrochius. Molinos, Directeur spirituel ²⁾. Jacob Böhm. Ioh. Pordage. St. Jean de la Croix. Catherine de Gênes. Jeanne Léade. Antoinette Bonrignon. M-me Guyon. Poiret. Tenelon. Arnold, auteur de livre: Kirchen und Ketzer-Historie en Allemand et de plusieurs ouvrages latins. Mystère de la Croix, ouvrage précieux, par un anonyme. La presence de Dieu. La philosophie Divine,—chrétienne par M-r Du Toit. Eckartshausen. Stilling ³⁾.

Можно предположить, что С-ій, будучи новичкомъ, просилъ Лопухина составить ему списокъ знаменитыхъ мистиковъ и ихъ трудовъ, или, что вѣроятнѣе, хотѣлъ узнать, что изъ мистическихъ сочиненій переведено на французскій языкъ, т. к. въ это время онъ еще не владѣлъ нѣмецкимъ. Мы имѣемъ точныя указанія, что изъ этого списка прочелъ С-ій. Оому Кемпійскаго онъ читалъ и, какъ извѣстно, даже перевелъ его; изъ Таулера онъ дѣлалъ пространныя извлеченія, сохранившіяся въ рукописи въ И. П. Б.; М-me Guyon онъ читалъ уже въ 1804 году, что мы узнаемъ изъ его во-

¹⁾ „Р. Арх“. 1876 г., 609.

²⁾ Очевидно,—французскій переводъ главнаго труда знаменитаго основателя квиэтизма—переводъ Guida Spirituale.

³⁾ Кромѣ всего прочаго этотъ списокъ чрезвычайно важенъ для выясненія корней нашихъ мистическихъ теченій среди интеллигенціи; между прочимъ онъ указываетъ, что у насъ знали не только Бёме (это давно извѣстно), но даже его англійскихъ послѣдователей—Порреджа и Рюнсброка.

сторженныхъ отзывовъ въ письмѣ Теофилактѣ Калужскому ¹⁾: съ С. Мартеномъ онъ также былъ знакомъ, во всякомъ случаѣ читалъ его книгу „Sur les erreurs et la verité“, что показываетъ его рукопись „О Мартинизмѣ“ съ водянымъ знакомъ 1809 г.; наконецъ, о знакомствѣ съ Эккартегаузеномъ мы знаемъ по его письмамъ къ тому же еп. Теофилактѣ ²⁾. Такимъ образомъ, мы ясно можемъ представить себѣ ту атмосферу, въ которой работала мысль С-го съ 1804 года. Съ одной стороны—мистики квіэтисты, ведущіе свое происхожденіе по прямой линіи отъ Молиноса и св. Терезы, Гюнь и Фенелова, съ другой—мистики теософы, пантеистическаго характера, прямые наслѣдники Бёме—Сенъ Мартенъ, дю Туа и др., а, можетъ быть, и самъ Бёме. Этотъ фактъ,—фактъ такихъ вліяній, очень важенъ. Результатомъ ихъ явилось то, что 1) въ письмахъ С-го созерцательный квіэтизмъ стоитъ на первомъ планѣ, и 2) его пониманіе происхожденія міра и историческаго прогресса часто такъ похоже на концепціи бёмистовъ, что наводятъ на мысль о заимствованіи. Т. к. система С-го сложилась послѣ 12—14-го годовъ, то разсмотрѣніе второго пункта мы производимъ ниже, а теперь остановимся на первомъ.

Квіэтизмомъ называютъ обыкновенно ³⁾ религіозное теченіе, созданное въ половинѣ XVII вѣка Молиносомъ, перенесенное затѣмъ во Францію и приуроченное къ опредѣленнымъ именамъ и лицамъ. Но мистическій квіэтизмъ—понятіе болѣе широкое и не укладывающееся въ такія узкія рамки. Послѣдователи его исходятъ изъ двухъ формулъ: „царство Божіе внутри насъ“ и „міръ во злѣ лежитъ“. Самый ближайшій путь къ царствію, къ Богу—черезъ самоуглубленіе, *возвращеніе*, какъ выражается „Добротолюбіе“. Всякое же обращеніе къ міру есть обращеніе ко злу, замутненіе и искаженіе своего духа, слѣдовательно удаленіе отъ Бога. Кто путемъ самоуглубленія и уничтоженія своей „самости“ (Ichheit)—своей воли и чувства—достигаетъ высшей ступени, въ томъ начинаетъ дѣйствовать Богъ, т. к. тварный элементъ,—die Kreaturen Бёме,—не припятствуетъ этому. Такой человѣкъ теряетъ свою активность и одинаково не стремится ни къ

¹⁾ См. „Въ память С-го“ стр. 384—5.

²⁾ *ibid.* Стр. 379.

³⁾ Herpe, *Geseh. d. quiet. Myst.*

блаженству, ни къ страданію. Въ толкованіи на „Пѣснь пѣсней“ ¹⁾ М-те Guyon пишетъ: „Равнодушіе сей возлюбленной (символь души, стремящейся къ своему жениху Христу) такъ велико, что она не можетъ преклоняться ни въ сторону наслажденія, ни въ сторону лишенія. Смерть и жизнь для нея равны. Она не можетъ желать Рая, поелику находится въ рукахъ жениха такъ, какъ бы вещи, кои уже не существуютъ“.

Это состояніе нарушается всякимъ соприкосновеніемъ съ внѣшнимъ міромъ. „Затвори всѣ исходы чувственности твоей, да услышишь, что глаголетъ тебѣ Богъ“, пишетъ Тома Кемпійскій ²⁾. И далѣе: „старайся отвлекать сердце твое отъ вещей видимыхъ“, „смирненное познаніе самого себя есть путь къ Богу надежнѣйшій“; „должно любить всѣхъ, но неудобно близко знакомиться“; „по примѣру Іисуса уклоняйся отъ толпы“ ³⁾; „что тебѣ нужды, что тотъ или иной имѣетъ тѣ или инныя свойства? не за другихъ, а за себя тебѣ отвѣчать должно“ ⁴⁾. Совѣты Бѣме, С.—Мартена, Фенелона въ такомъ же родѣ. „Если ты можешь заставить молчать твои чувства и волю, то услышишь неизреченныя слова Божіи“. „Ты долженъ оставить всякую вещь (was ist etwas) и отвратить твои желанія отъ нихъ“ ⁵⁾. Все это міровоззрѣніе и принялъ С-ій и горячо пропандигировалъ его, какъ прозелитъ, въ своихъ письмахъ 1804—9 годовъ. Мы увидимъ ниже, что время смягчило многія черты этого міросозерцанія.

Результатомъ этого новаго настроенія явились письма С-го къ Теофилакту Калужскому, по которымъ его взгляды рисуются слѣдующимъ образомъ: нашъ разумъ, познавая черезъ чувства, этимъ самымъ относителенъ и приспособленъ только къ извѣстной категоріи явленій (міръ видимый). Для міра духовнаго существуетъ свой особый разумъ, дѣйствующій по своимъ особымъ законамъ ⁶⁾. Этотъ духовный разумъ, познаніе міра сверхчувственного дается послѣ ряда усилій, составляющихъ три ступени: 1) „Признаніе несомнѣнности положенія человѣка на земли—противорѣчіе въ разумѣ, про-

¹⁾ Русскій пер., 18.

²⁾ III, гл. 1, 1.

³⁾ I, XX, 2.

⁴⁾ III, XXIV, 1.

⁵⁾ Böhme „Weg zu Christo“, 1.

⁶⁾ См. Въ память С-го, стр. 346—7.

творѣчіе въ чувствѣ, противорѣчіе въ волѣ, въ дѣйствіяхъ, во всемъ. 2) Покореніе тѣлеснаго духовному, умерщвленіе мудрованія плоти, отверженіе разума физическаго, истребленіе самолюбія. 3) Молитва“ ¹⁾. Результатомъ этого является познаніе Бога и открытіе царства Божія въ насъ. Главной чертой обновленнаго такимъ образомъ человѣка является *любовь* и притомъ вполне безкорыстная; но т. к. на землѣ человѣкъ не можетъ найти достойныхъ предметовъ для своей любви, то его любовь естественно обращается исключительно къ Богу ²⁾, да и кромѣ того, „если всѣ наши чувства поглощены любовью къ Богу, то чѣмъ мы будемъ любить что-либо иное, кромѣ Него? слѣдовательно, любя себя и міръ, мы преступаемъ эту заповѣдь (о любви къ Богу)“ ³⁾. Къ несчастью, точныя указанія на новое міровоззрѣніе обрываются около 1806 года, что можно поставить въ связь съ увеличеніемъ работы С-го по обще-государственнымъ дѣламъ (мы знаемъ, что именно съ 1806 года С-ій сталъ лично являться съ докладами къ государю). Но ошибочно было бы думать, что выработка міровоззрѣнія была приостановлена въ это время. Въ 1902 году, въ майской книжкѣ „Русской Ст.“ появилась интереснѣйшая записка нѣкотораго Гауэншильда, извлеченная изъ вѣнскаго государственнаго архива.

Гауэншильдъ ⁴⁾, по его словамъ, былъ близко знакомъ со С-имъ. „Я долженъ былъ, пишетъ онъ, составлять обзоръ нѣмецкой философской литературы и дѣлать переводы изъ мелкихъ сочиненій и статей Маргейнеке, Фихте и Шеллинга, которые онъ, отложивъ всякія другія занятія прочитывалъ вмѣстѣ со мною“ ⁵⁾. Это говорится о 1810 годѣ. Мы отмѣтимъ указанный фактъ, который будетъ намъ нуженъ при обнаруженіи источниковъ вліянія на С-го нѣмецкихъ идеалистовъ.

Итакъ, работа не прекращалась и во время самой горячей

¹⁾ *ibid.*, стр. 338.

²⁾ *ibid.*, 394.

³⁾ Я излагаю здѣсь кратко мысли С-го, т. к. они неоднократно и подробно излагались другими исследователями.

⁴⁾ Гауэншильдъ (де-) Теодоръ Матвѣевичъ (Фридрихъ Леопольдъ Августъ) въ 1811 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ въ царскосельскомъ лицѣѣ, гдѣ впоследствии былъ директоромъ. Въ 1822 году вернулся въ Германію. О немъ подробнѣе у Селезнева, въ „Исторіи Александровскаго Лицея“.

дѣятельности С-го въ другихъ областяхъ. Эта работа надъ собственнымъ міровоззрѣніемъ могла еще усиливаться подъ вліяніемъ новаго фактора, подъ вліяніемъ знакомства съ Фесслеромъ ¹⁾, приглашеннымъ по совѣту проф. Лоди преподавателемъ древне-еврейскаго языка и философіи въ С.П.—ую Академію и затѣмъ отставленнаго оттуда по интригамъ еп. Теофилакта. Намъ интересна сейчасъ не эта исторія, а міровоззрѣніе Фесслера.

По требованію комиссіи духовныхъ училищъ Фесслеръ представилъ конспектъ своего предполагаемаго курса по философіи, на который у насъ сохранились „замѣчанія архіеп. Теофилакта“ ²⁾. По этой рецензіи (конспектъ мнѣ неизвѣстенъ) мы можемъ въ общихъ чертахъ установить систему Фесслера. По словамъ еп. Теофилакта, Ф. кладетъ въ основу своихъ взглядовъ философію Платона. Основной пунктъ его состоитъ въ томъ, что „разумъ изъ врожденной себѣ первоначальной идеи произраждаетъ общія свои идеи и отражаетъ ихъ въ разсудокъ черезъ зеркало познанія“. Предметомъ „для непосредственной дѣятельности разума Ф. назначаетъ міръ невидимый“; „познанія человѣческія“ имѣютъ только „условную и подлежательную вещественность и истину, и такимъ образомъ, по мнѣнію рецензента, Ф. распространяетъ пагубный скептицизмъ“. Что же касается его метафизики, то здѣсь рецензентъ приводитъ слѣдующую выписку изъ записей одного студента, сдѣланныхъ на лекціяхъ Фесслера. „Одно цѣлое, одна жизнь, всѣ явленія міра суть только отсвѣтъ единицы, т. е. безконечныя измѣненія одного и того же существа“. Прибавимъ сюда нѣсколько чертъ изъ „Ученыхъ Вѣдомостей“ за 1810 годъ ³⁾, гдѣ помѣщены были рецензіи на его сочиненія. Рецензіи написаны въ общемъ благожелательно, такъ что ими мы можемъ корректировать отзывы арх. Теофилакта.

„Всѣ сочиненія Ф-а, говорится въ одной рецензіи, изъясняютъ въ разныхъ видахъ, одну великую мысль: все въ Богѣ и Богъ во всемъ; одно только Цѣлое, одна жизнь; всѣ явленія суть только *необходимыя* обнаруженія гармонической дѣятельности цѣлаго. Разсудокъ не можетъ постигнуть этого:

¹⁾ Подробности см. у Корфа I, 255 и у Чистякова „Хр. чт.“ № 12 стр. 983

²⁾ См. „Чтенія въ общ. ист. и др. р.“ 1859 г. II, 5.

³⁾ №№ 38, 39, 57, 58.

только духъ благочестиваго въ единствѣ разума, воображенія и внутренняго чувства въ состояніи созерцать это. Кто достигъ такого созерцанія, тотъ можетъ погружаться въ безднѣ безконечнаго и во всѣхъ явленіяхъ видѣть вѣчную гармонию цѣлаго“.

Мы видимъ въ этихъ отрывкахъ сжатую формулировку мистическаго пантеизма, а если мы прибавимъ сюда даръ увлекательной красивой латинской рѣчи, то вліяніе этой системы на С-го явится вполне естественнымъ. По запискамъ Фесслера ¹⁾ мы знаемъ о дружескомъ расположеніи С-го къ Ф.-у и наоборотъ, объ ихъ долгихъ разговорахъ ²⁾; не мудрено поэтому, что умъ С-го, подготовленный чтеніемъ мистиковъ, впервые изъ бесѣдъ съ Фесслеромъ вынесъ основы своего міросозерцанія, склоннаго къ пантеизму, съ которымъ мы встрѣтимся ниже.

О результатахъ этого вліянія, если оно было, мы можемъ судить по интереснѣйшей рукописи С-го, въ 46 листовъ, съ водянымъ знакомъ—1809 ³⁾. По мыслямъ, излагаемымъ въ ней и по упомянутому знаку мы съ достаточной увѣренностью можемъ отнести эту рукопись къ 1810—11 годамъ. Называется это сочиненіе „О религіи“, Авторъ начинаетъ съ общихъ опредѣленій, а затѣмъ уже переходитъ къ исторіи религій. Причина возникновенія религіи лежитъ въ константированіи человѣкомъ божественнаго элемента въ себѣ и предположеніи отсюда небеснаго міра. Совокупность понятій объ этомъ передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе, образуя религію—„составъ понятій о Богѣ и объ отношеніяхъ къ нему человѣка“. Въ виду отвлеченности и трудности этихъ понятій, они стали доступны только небольшому кругу лицъ, отчего и произошло дѣленіе религіи на внутреннюю и внѣшнюю, причемъ истины внутренней религіи хранились въ тайныхъ обществахъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ у С-го обычное положеніе масоновъ о преемственной передачѣ тайныхъ познаній ⁴⁾. Затѣмъ С-ій подходитъ къ вопросу о происхо-

¹⁾ Оставшимся не напечатанными, см. Корфъ I, 255.

²⁾ См. Корфъ I, 237 и сл.

³⁾ См. 14—18 въ Приложеніяхъ къ этой работѣ.

⁴⁾ Трудъ Лонгинова очень цѣненъ по собраннымъ матерьяламъ, но вызываетъ досадное чувство постояннымъ смѣшеніемъ терминовъ „теософія“, „мистицизмъ“, „масонство“ и т. д.

жденіи христіанства и обнаруживаетъ въ этомъ вопросѣ преобладаніе познавательныхъ стремленій надъ чувствомъ непосредственной вѣры. Онъ находитъ ¹⁾, что вопросъ этотъ недостаточно хорошо рѣшенъ и что для его выясненія необходимо разсмотрѣніе платоновской философіи, каббалы и восточныхъ ученій. Самъ онъ не выполняетъ этой работы цѣликомъ, но все же довольно много говоритъ о синкретизмѣ различныхъ вѣрованій и системъ въ началѣ христіанской эры. Далѣе, онъ останавливается на сущности христіанства и представляетъ ее ²⁾ въ слѣдующемъ видѣ. Пространство, время и матерія не суть реальности (это онъ доказываетъ обычными аргументами); они—только образы нашихъ мыслей. Единственной реальностью для насъ остается нашъ духъ, въ которомъ и надо искать рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Анализируя его, мы находимъ въ немъ противорѣчія между его стремленіями и его способностями, что приводитъ насъ къ мысли объ извращеніи нашей природы паденіемъ и о бытіи Бога. Роль второго лица Троицы, „Слова, сына Разума“—возстановить падшаго человѣка. Мы подробнѣе остановимся на этомъ трактатѣ ниже, при разсмотрѣніи новаго періода мыслительности С-го, т. к. его теософическія соображенія второго періода выходятъ изъ этой статьи, какъ изъ своего корня.

Такимъ образомъ, эволюція религіознаго міросозерцанія С-го представляется намъ пока въ такомъ видѣ: характерная для С-го „интеллектуальность, наклонность все облекать въ логическія формулы и доходить до логическаго конца привела его для выясненія вопросовъ міровоззрѣнія къ философіи. Богословская подготовка, семейныя традиціи и господствующее настроеніе направили эти исканія по пути религіозной философіи и мистики, а знакомство (вѣроятно поверхностное) ³⁾ съ нѣмецкимъ идеализмомъ и пантеистическими системами мистиковъ подготовило настроеніе собственнаго взгляда на міръ. Параллельно съ познавательнымъ, теоретическимъ интересомъ шелъ интересъ практическій,

¹⁾ Гл. IV.

²⁾ Характерно, что онъ начинаетъ изложеніе съ гносеологическихъ предпосылокъ.

³⁾ Въ сочиненіяхъ С-го мы нигдѣ не видимъ слѣдовъ серьезнаго изученія нѣмецкой философіи.

вызванный смертью жены (въ 1799 г.) и приведшій къ исповѣданію мистическаго квіэтизма, слѣды котораго мы видимъ до 1810 года ¹⁾). Мы уже знаемъ, что С-ій въ перепискѣ своей съ ревностью неофита борется (напр. съ арх. Теофилактомъ) за свое новое міровоззрѣніе. Шелъ ли онъ дальше этого? Не старался ли онъ реализовать свое ученіе и въ своей дѣятельности? На этотъ счетъ у насъ есть два прямыхъ указанія. Въ книгѣ Pertz'a „Leben des ministers Stein“ ²⁾ приводятся слова Штейна, гдѣ онъ говоритъ, будто С-ій вѣрилъ въ перерожденіе человѣчества путемъ масонства и для этого вошелъ въ сношенія съ Фесслеромъ и Розенкампомъ ³⁾). Въ упомянутой уже выше запискѣ Гауэншильда это извѣстіе подтверждается и развивается. „Предполагалось, пишетъ Гауэншильдъ основать масонскую ложу съ филиальными ложами по всей Россійской имперіи, въ которую обязаны были бы вступать наиболѣе способные изъ духовныхъ лицъ всѣхъ сословій“. „Даже внѣшніе масонскіе знаки онъ исполнялъ въ это время съ такимъ рвеніемъ, какъ будто у него не было другихъ занятій“. Далѣе Г. описываетъ подробно открытіе Великой ложи, гдѣ С-ій объявилъ себя мастеромъ стула. По словамъ Гауэншильда, предполагалось, что эта ложа послужитъ ядромъ будущей реформы, а чтобы другія ложи, уже существующія, не нарушали общаго порядка, ихъ предполагалось закрыть. Но этотъ прое́ктъ провалился, т. е. государь его не одобрилъ.

Къ сожалѣнію у насъ почти нѣтъ данныхъ ⁴⁾, чтобы кри-

¹⁾ Послѣдовалъ-ли за этимъ перерывъ, мы не знаемъ вслѣдствіе отсутствія нужнаго матеріала.

²⁾ Въ III т. стр. 57.

³⁾ „Es schadete ihm jedoch ein Hang zum Mystik immer und Schwermerei; sein Verstand war nicht hell, rein; er glaubte an eine Weltverneuerung durch geheime Gesellschaften, und gerith durch diesen Wahn in Verbindung mit einem Rükemacher Rosenkampf und dem bekannter litterarischen Abenteuer Fessler.“

⁴⁾ Немного свѣта проливаетъ на этотъ вопросъ и усиливаетъ шансы разрѣшенія его въ положительномъ смыслѣ слѣдующее мѣсто изъ письма С-го къ Цейеру отъ 11-го января 1816 года („Р. Арх.“ 1867 г., 453). По поводу заключенія Священнаго Союза онъ вспоминаетъ одну старинную книжку, гдѣ находится „пророчество объ этомъ“. „Уже давно эта книга пробуждала во мнѣ мечтанія о возможно́мъ усовершенствованіи правительствъ и о приложеніи ученія Богочеловѣка къ дѣламъ общества. Со-знаюсь, однако, что эпоха такого приложенія представлялась лишь еще

тически отнести къ приведеннымъ двумъ извѣстіямъ. Существуетъ только собственноручная подписка С-го, данная по случаю закрытія ложъ въ 1822-мъ году, въ томъ, что ни къ какимъ тайнымъ обществамъ онъ не принадлежалъ, а только посѣтилъ „съ вѣдома правительства“ два раза частную домашнюю ложу и былъ принятъ въ масонскіе обряды Фесслеромъ ¹⁾. На основаніи этого мы можемъ точно утверждать о прикосновенности С-го къ масонству, но шло ли это прикосновеніе дальше двукратнаго посѣщенія частной ложы? О посвященіи Сперанскаго сохранился рассказъ Ольденбургскаго каммергера Ренненкампа ²⁾; послѣдній говоритъ, что при посвященіи присутствовалъ и Гауэншильдъ, такъ что мы можемъ предположить нѣкоторую близость Гауэншильда къ этому дѣлу и допустить его компетентность въ интересующемъ насъ вопросѣ. Какъ бы-то ни было, мы не имѣемъ достаточно прямыхъ и несомнѣнныхъ данныхъ утверждать, что С-ій думалъ реформировать русское духовенство на началахъ масонскихъ ложъ, но невѣроятнаго и вполне неправдоподобнаго я въ этомъ ничего не вижу. Нужно представить себѣ только, что это былъ періодъ общаго увлеченія масонствомъ, когда даже самъ государь, по слухамъ ³⁾, собирався принять посвященіе.

Въ такомъ положеніи находилось міросозерцаніе С-го, когда его постигъ второй (послѣ смерти жены) ударъ—ссылка въ Нижній Новгородъ, а затѣмъ въ Пермь. Этотъ фактъ составляетъ новую черту, отдѣляющую С-го теоретика и философа богословствующаго отъ С-го практика и созерцателя.

Къ этому новому С-му мы и обратимся въ слѣдующей, третьей части.

А. Ельчаниновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

всегда отдаленною, такъ что я уже лѣтъ пять или шесть, какъ не раскрывалъ моей книжки“.

Пять-шесть лѣтъ—именно и будетъ время, о которомъ говоритъ Гауэншильдъ и Pertz.

¹⁾ См. „Въ память С-го“.

²⁾ См. Пыпинъ, о. с., 310.

³⁾ См. Корфъ, I, 261.